

Богословские труды, сб. 23, М., 1982, стр. 154—199; сб. 24, М., 1983, стр. 139—170.

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

**ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ.
ОСТАВЛЕНИЕ КАФЕДРЫ**

*«Вся добре в шесть лет с царем в совете
исправльша,*

*Узре враг того, многих от бед лютых избавльша,
Подвиги же в начальных и меньших зависть дерзку,
Ту зря, он, победитель, сходит к Воскресенскую.*

(Монастырский «Летописец»)

6 июля 1658 г. в Москве принимали грузинского царевича Теймураза. На подобных приемах присутствие Патриарха Московского почиталось обязательным и в силу исконных обычаев Русского государства, и из надлежащего почтения к Церкви и ее архипастырю. Но в этот раз святителя Никона не пригласили... Это было неслыханным оскорблением, первым знамением того, что царская власть дошла до такого состояния, когда кажется, что в государственных делах «можно обойтись» и без Церкви. При торжественном въезде царевича в Кремль царский окольный князь Б. Хитрово грубо оскорбил патриаршего боярина князя Д. Мещерского (дважды ударил по голове). Никон незамедлительно написал царю требование о наказании виновного. Царь письменно ответил, что разберется позже. Никон вторично написал, чтобы разобрался сейчас. Царь передал, что лично увидится с Никоном. Но видеться не изволил.

8 июля был праздник Казанской иконе Богородицы, на котором прежде царь всегда присутствовал при патриаршем служении со всем своим синклитом. По обычаю, от Патриарха ходили приглашать царя к вечерне, потом к утрени, потом к литургии. Но царь не пришел.

10 июля, в праздник Ризы Господней, также ждали царя в Успенском соборе, где он всегда молился в этот день в прежние годы. Его пригласили к вечерне, потом к утрени. Царь не пришел.

После утрени к Патриарху явился от царя князь Юрий Ромодановский и сказал: «Царское величество на тебя гневен, потому и к заутрени не пришел, и не велел ждать его к литургии». Затем князь прибавил именем государя: «Ты пренебрег царское величество и пишешься великим государем, а у нас один великий государь — царь». Князь Юрий далее сказал, что царь «повелел... чтоб впредь ты не писался и не назывался великим государем, и почитать тебя впредь не будет»¹¹⁰.

Алексей Михайлович официально разрывал дружеские отношения с Патриархом Никоном.

Любовь и согласие между царем и святителем рухнули.

При таких обстоятельствах Патриарх Никон принял решение незамедлительно оставить правление делами Церкви и уехать из Москвы. Узнавшие о том приближенные и друзья Никона стали отговаривать его. Преданный ему боярин Н. Зюзин велел передать Патриарху, «чтобы он от такого дерзновения престал». Никон погрузился в раздумье, взял бумагу, начал что-то писать, но потом разорвал и молвил: «Идуде». Это было перед литургией 10 июля.

В этот день в Успенском соборе, как обычно, собралось великое множество народа. Патриарху сослужили митрополиты Крутицкий Питирим и Сербский Михаил, архиепископ Тверской Иоасаф, архимандриты, игумены, протоиереи. Никон облачился в саккос святителя Петра, Митрополита Московского, надел омофор «Шестого Вселенского Собора» и взял в руки посох того же святителя Петра. Во время службы в алтаре уже перешептывались, что Патриарх уходит от правления. После причастия Никон сел и написал письмо царю. По заамвонной молитве он вышел на солею, прочел положенное поучение из бесед святого Иоанна Златоуста о значении пастырей Церкви, а затем обратился к народу со своим словом.

Впоследствии, когда шло тщательное разбирательство этого момента, от многих очевидцев были взяты показания («сказки») о том, что сказал Никон в этой речи. Сказок собрано более шестидесяти (все они сохранились). Сохранились также письма Никона, где он вкратце сам свидетельствует о том, что он тогда говорил. Эти документы часто противоречат друг другу, но всё же дают возможность восстановить общее содержание и смысл речи Патриарха Никона.

Он сказал, что царь гневен на него, так что даже не приходит

«в собрание церковное». Это, очевидно, происходит от того, что он, Никон, является недостойным Патриархом, не сумел пасти свою паству, как подобает, и потому он решил уйти от управления Церковью. «От сего времени не буду вам Патриархом (или: «Отныне я вам не Патриарх»)), — заключил Никон.

Последние слова он произнес с такой решительностью, что некоторые (в частности, митрополит Крутицкий Питирим) потом показывали, будто он отрекся «с клятвою», сказав «буду анафема», если вернусь к Патриаршеству. Но большинство других очевидцев говорят, что не слышали такой клятвы, или что ее вообще не было. Сам Никон тоже утверждает, что не произносил клятвы.

Слово святителя Никона прозвучало как гром среди ясного неба. В храме поднялось смятение, Никон, сняв богослужебные ризы, оделся в черную архиерейскую мантию с источниками, черный клобук, взял в руки простую «поповскую ключку», которую загодя купили для него, и пошел было из храма, но верующие заперли церковные двери и не выпустили его. Патриарх сел на нижнюю ступеньку архиерейского помоста посреди собора лицом к западным дверям и стал ждать. Потребовали немедленно послать кого-нибудь к царю. Пошел Крутицкий митрополит и некоторые из духовенства. В Успенском соборе стоял плач и стон. «Кому ты нас, сырых, оставляешь!» — причитали люди. «Кого Бог вам даст и Пресвятая Богородица изволит», — отвечал Никон. Царь, узнав о случившемся, отправил к Никону боярина князя Алексея Никитича Трубецкого. В своей «сказке» по этому делу боярин показывал: «Я спросил Патриарха Никона, для чего он оставляет Патриаршество, не посоветовавшись с великим государем, и от чьего гонения, и кто гонит». Никон отвечал: «Я оставил Патриаршество собою, а не от чьего и ни от какого гонения... А в том я прежде бил челом великому государю и извещал, что мне больше трех лет на Патриаршестве не быть». Затем Никон вручил Трубецкому свое личное письмо царю и просил на словах, чтобы царь «пожаловал ему келлию». В письме царю, как впоследствии свидетельствовал Никон, говорилось: «Се вижу на мя гнев твой умножен без правды, и того ради и соборов святых во святых церквах лишаеши (т. е. не приходишь в собрание верующих). Аз же пришлец есмь на земли, и се ныне, поминая заповедь Божию, дая место гневу, отхожу от места и града сего. И ты имаши ответ перед Господом Богом о всем дати»¹¹¹.

Трубецкой всё передал Алексею Михайловичу. Царь послал его вновь к Патриарху, велел вернуть ему его письмо («зане не бысть ему (царю) на пользу») и сказать, чтобы он «Патриаршества не оставлял, а был по-прежнему; а келлий на патриаршем дворе много, в которой он захочет, в той и живи». «Я слова своего не переменю», — ответил Никон. И пошел из храма¹¹². Царские сановники велели его выпустить. Перед Успенским собором стояла запряженная повозка Патриарха. Патриарх хотел сесть в нее, но народ распряг повозку и разломал ее. Окруженный толпами плачущих взволнованных москвичей, святитель Никон пошел пешком к Спасским воротам Кремля. Люди затворили ворота. Патриарх сел в одной из «печур» (углублений в кремлевской стене), и один Бог весть, что творилось в сердце его от воплей, плача и молений народа, стремившегося удержать своего Патриарха. Царские чиновники, наконец, приказали открыть ворота Спасской башни, и Никон ушел через Красную площадь и Ильинский крестец на подворье своего Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. На крыльце он в последний раз благословил свою паству и вошел в келлии. Сюда к нему вновь прибыли посланные от Алексея Михайловича сказать, чтобы он не уезжал никуда, пока не увидится с царем. Никон ждал до 12 июля. Никаких известий от государя не последовало. Тогда он взял в Новодевичьем монастыре две плетеные киевские коляски, в одну погрузил кое-какие вещи, в другую сел сам, и поехал в Новый Иерусалим.

Так выглядел самый момент разрыва между церковной и царской властью в России.

Никон объяснял причины своего ухода от правления следующим образом. В своем знаменитом «Возражении или разорении» на 30 вопросов по его делу, заданных боярином Симеоном Стрешневым Паисию Лигариду, и ответов Паисия на эти вопросы Никон свидетельствует: «Царь при избрании нас на Патриаршество дал клятвенное обещание перед Богом и всеми святыми хранить непреложно заповеди Евангелия, святых апостолов и святых отцов, и пока пребывал в своем обещании *повинуясь Святой Церкви* (подчеркнуто мной. — *Прот. Л.*), мы терпели. А когда царь изменил своему обещанию и на нас положил гнев несправедно, мы 10 июля, совершив во святой великой церкви Божественную литургию и засвидетельствовав перед Богом и всеми

святыми о напрасном государевом гневе, вышли, по заповеди евангельской, из града Москвы, отрясли прах от ног наших и тогда же письменно известили царя, что уходим ради его несправедного гнева и что он даст за всё ответ перед Богом. Кто же укорит меня, что я поступил вопреки воле Божией, а не по правде, и какое тут отречение?»¹¹³ Далее в этом же труде, при возражении на 17-й вопрос, где говорилось, что святители могут покидать на время свои престолы только ввиду военного нападения, Патриарх Никон пишет: «Не больше ли войны — гнев царский?.. Из Москвы я отошел не без ведома царева: царь знал, что гневается на меня без правды. И от него приходили ко мне... и я им говорил, что иду из Москвы от немилосердия государя, *пусть ему будет просторнее без меня* (курсив мой. — *Прот. Л.*)... а то, гневаясь на меня, он не ходит в церковь, не исполняет своих обещаний, данных при нашем избрании на Патриаршество, отнял себе суд церковный, велел судить нас самих и всех архиереев и духовный чин приказным людям»¹¹⁴.

В 24-м возражении, говоря о привилегиях церковных, святитель Никон восклицает: «Мы не знаем иного законоположника себе, кроме Христа, Который дал нам власть вязать и решить. Уж не эту ли привилегию дал нам царь? Нет, но он похитил ее от нас, как свидетельствуют его незаконные дела. Какие? Он Церковью обладает, священными вещами богатится и питается, славится тем, что все церковники — митрополиты, архиепископы, священники и все причетники покоряются ему, оброки дают, работают, воюют; судом и пошлинами владеет». Такое обладание царя Церковью, по слову Никона, является «антихристовым узаконением». Господь сказал о последнем времени, что тогда... «за умножение беззакония иссякнет любви многих... Какого беззакония? Того, если кто восхитит непринадлежащее ему, как *государь царь восхитил Церковь и всё достояние ее в свою власть незаконно*, и потому нас ненавидит, как прелюбодей никогда не может любить законного мужа, но всегда помышляет о нем злое...»¹¹⁵. В ответе на 26-й вопрос Стрешнева Лигарид утверждал, что «царь может ставить архимандритов и всякие церковные власти — это одна из привилегий царских, и у всех народов обычай — царю раздавать должности, для чего и орел царский пишется двуглавым, расширяющим достоинство царя — церковное и мирское». На это

Никон заявил: «Ты солгал и здесь, как и везде прежде. Нигде, даже в царских законах, не написано, чтобы царю избирать епископов и прочих властей (подразумевается церковных. — *Прот. Л.*)... А то правда, что *царское величество расширился над Церковью*, вопреки Божественным законам, и даже *возгорелся на самого Бога широтою своего орла* (выделено везде мной. — *Прот. Л.*).

Такого определенного, решительного и гневного осуждения царской власти за ее посягательство на Церковь наша история не знала ни до Никона, ни после него! Во всех этих словах — поразительное свидетельство о некоем духовном *перерождении* русской монархии, когда из *защитника* Церкви она начала превращаться в ее обладателя и распорядителя. Строго говоря, в мистическом смысле осуществление такого стремления вообще невозможно: Глава Церкви — Христос. Но в эмпирическом, земном, плане какое-то подавление самостоятельности церковного управления со стороны монархии, внешнее господство над церковными делами может иметь место.

Это изменение или перерождение монархии Никон почувствовал на себе, увидев явление в самом зародыше, когда почти никто из его современников не видел, или не хотел видеть. Поэтому доказать справедливость своих обвинений Никону было крайне трудно. Самыми сильными и основательными обвинениями Патриарха, по существу, являются следующие:

1. Царь нарушил клятву, которую дал при поставлении Никона на Патриаршество, — повиноваться Патриарху во всех церковных делах;

2. Царь возжелал править церковными делами сам, стремясь поставить себя в Церкви выше Патриарха.

Происходил переход инициативы в церковных делах в руки царской власти, когда царь брал ответственность за Церковь на себя. Он еще не нарушал принятых ранее законов в отношении Церкви, не вводил новых, но начинал править церковными делами даже не в совете с Патриархом, а «преболе» его. Вот об этом с острой тревогой и болью Никон свидетельствовал своим современникам, самому царю, но его свидетельства не принимали. Ясно видя сущность происходящего и справедливо усматривая в этом духовную катастрофу для России, Патриарх Никон в своих обличениях был не всегда точен, допускал резкости, ошибки, преувеличения. Однако нельзя не видеть, что через все его

обличения красной нитью проходит острая боль о том, что град земной восстал на Град Небесный и пытается подчинить его себе, что Церковь теряет должную независимость, что царская власть незаконно узурпирует власть духовную, что «приближается тиранское разорение Церкви», как выразился Никон в письме к П. Лигариду в 1662 г.¹¹⁶.

При таком положении вещей Патриарх — Глава Русской Церкви — должен был стать в значительной мере номинальной фигурой, во всем послушной воле самодержца. Таким Патриархом Никон быть не мог и не хотел. Уход от правления стал для него вынужденным и единственно возможным шагом. Проф. М. В. Зызыкин, посвятивший всю свою книгу всестороннему историко-каноническому исследованию сущности конфликта Патриарха Никона с царем, пишет об уходе святителя от правления 10 июля 1658 г. следующее: «...Уход Никона в Воскресенский монастырь был протестом против того, что царь перестал быть православным, нарушив свой обет и допустив бояр до захвата церковного управления. *Это была крайняя мера пастырского воздействия. И в этом, как в фокусе, выражено все мирозерцание Никона* (выделено Зызыкиным). Если бы он не ушел, то явился бы потаковником, соучастником в том положении, с которым он не мог бороться, ввиду утраты царской поддержки при окружающей его вражде; оставаясь, Никон встал бы в противоречие с собственным понятием о самостоятельности церковной власти и дал бы санкцию ее захвату». «Его уход был высшей мерой протеста, увековеченного историей, как борьба Патриарха с царем, как борьба Церкви с духом века сего, как борьба Нового Иерусалима с Вавилоном и антихристом, как борьба терпения и любви против насилия и несправедливости»¹¹⁷.

3 февраля 1660 г. Никон писал боярину Зюзину: «Из писания твоего... мы узнали, что вы печалитесь о нас; но мы, милостию Божией, не скорбим, а радуемся о покое своем (т. е. о том, что он, Никон, отошел от правления. — *Прот. Л.*). *Добро архиерейство во всезаконии и чести*, и надобно поскорбеть о последнем всенародном событии. Когда вера евангельская начала сеяться и архиерейство чтилось в христианских царствах, тогда и *самые эти царства были в чести*; а когда злоба *гордости* распространилась и архиерейская честь изменилась, тогда, увы, и царства начали падать и пришли в бесчестие, *как известно о греках*» (выделено мной. —

Прот. Л.). Знаменательные слова: в незаконных посягательствах царской власти Никон видит причину будущего *неизбежного падения монархии в России* и пророчески намекает на это. В этом же письме о себе самом Никон с полным основанием говорит: «Нам первообразных много, вот реестр их: Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, Василий Великий и здешний Филипп митрополит»¹¹⁸.

С этими глубокими и серьезными причинами ухода Никона от правления тесно сплетались и другие, психологические причины — личная ссора с Алексеем Михайловичем, «неправедный царский гнев». В этих обстоятельствах Никону также ничего не оставалось делать, как уйти от неправедного гнева, чтобы другу его «было просторнее»... Свои отношения с Алексеем Михайловичем Никон мыслил только как отношения искренней любви и полного согласия. Так эти отношения сложились с самого начала, и потому всякие иные отношения всё равно означали бы разлад между Церковью и государством. Если бы изначально Никон не был другом царя, то какой-то временный «неправедный гнев» государя можно было бы и претерпеть, будь это просто личным человеческим недоброжелательством... Однако личный гнев Алексея Михайловича вызывался глубокими духовно-политическими причинами, носил характер крайнего раздражения, которое начало проявляться в таких поступках, что оставаться Никону Главой Церкви — значило бы еще более раздражать царя, как бы вызывать его на более пагубные выходки, которые неизвестно чем могли кончиться.

Сложные переплетения личных чувств и велений общественного долга характеризуют отношения Никона и Алексея Михайловича в момент разрыва и после него. Этими переплетениями вполне объясняются те кажущиеся противоречия в поведении и словах царя, и особенно Никона, каких немало содержится в документах того времени.

Слово Патриарха к народу 10 июля 1658 г. свидетельствует как будто о безоговорочном отречении Никона от престола. Однако, поскольку этот уход от правления оказывается вынужденным, Никон удивляется, когда его потом обвиняют в «самовольном отречении» («какое тут отречение!»). Царским посланникам и другим лицам Никон иногда говорит, что ушел сам, никем не гонимый (говорит, чтобы не вызвать смуты!), а когда его

начинают официально обвинять в самовольном, беспричинном и дерзком оставлении кафедры, свидетельствует, что *вынужден* был уйти «ради царского гнева», ради незаконных стремлений государя «обладать Церковью». Сразу же после событий 10 июля на слова верного ему боярина Никиты Зюзина «что, государь, оставил престол свой? Оставь свое упорство и возвратись», Патриарх отвечал: «будет тому время, возвращусь»¹¹⁹. А официально в эти же дни он заявляет, что ушел навсегда, в церковные дела больше вступаться не будет, благословляет избрать на свое место нового Патриарха, а пока поручает, согласно царскому желанию, править церковные дела митрополиту Крутицкому Питириму¹²⁰.

Где же правда о действительных намерениях Никона? Правда и в первом, и во втором заявлении. В контексте отношений Патриарха с царем линия поведения и намерений святителя выглядит так: если в сознании и душе государя относительно Церкви ничего не изменится, то и он, Никон, к правлению не вернется; если же царь поймет свою неправоту, — Никон не отказывается вернуться на Патриаршество. При этом главное для Никона — не вопрос личной власти, а восстановление правды в отношениях царской и церковной власти. Если с другим, новым Патриархом, царь будет чувствовать себя иначе и не станет стремиться к «обладанию Церковью», т. е. если всё дело в личном недовольстве Никоном, то пусть будет новый Патриарх! Никон готов целиком отдаться монастырскому строительству и просит лишь оставить ему владение его монастырями. Но если царь и без Никона будет продолжать беззаконие, то святитель считает своим долгом обличать самодержца и не будучи у власти. «Я ни за какие вины от Церкви не отлучен, — говорит он в 1659 г., — и хотя своею волею оставил паству, но попечения об истине не оставил, и впредь, когда услышу о каком духовном деле, требующем исправления, молчать не буду»¹²¹.

Таким образом, вынужденный уход от Патриаршества явился для Никона как бы лишь первым шагом в борьбе за духовно-каноническую правду в отношениях монархии и Церкви, за душу своего друга и царя Алексея Михайловича. Эту борьбу он намерен был вести (и действительно повел!) независимо от того, будет ли он сам вновь позван на Патриаршество, или на его место законно изберут другого.

Началась почти девятилетняя эпопея добровольного изгнанничества русского Патриарха. В этот период с заметной планомерностью против него велись различные козни и интриги, было совершено покушение на его жизнь. Чья-то злая рука не оставляла Патриарха в покое, нарочито создавая такую обстановку вокруг него, при которой его присутствие в Новом Иерусалиме являлось источником «лихорадки» для общества, делалось нестерпимым. Алексей Михайлович то смягчался к своему «собинному другу», то поддерживал борьбу против него. Царь метался в том безвыходном положении, в какое он сам себя поставил разрывом с Патриархом. Были моменты, когда казалось, что Алексей Михайлович готов примириться с Никоном, что явилось бы самым благоразумным и верным с его стороны (и он это понимал). Но против Никона уже сложилась достаточно сильная боярско-княжеская группировка в правительстве и подобная же партия в русском и греческом духовенстве, угрожавшем царю. В такой обстановке Алексей Михайлович уже не мог единолично решить вопрос о возвращении Никона к правлению, а на поддержку такого шага боярским правительством рассчитывать не приходилось. Существовала, правда, и группировка придворных бояр, очень почитавших Патриарха. В нее входили такие видные деятели Русского государства, как князь А. Ордин-Нащокин, любимец царя А. Матвеев, боярин Н. Зюзин, князь Ю. Ромодановский, боярин Ф. Ртищев. Всей душой была предана Никону родная сестра государя царевна Татьяна Михайловна. Немало сторонников Никона имелось также в духовенстве русском и греческом. Однако эта партия не решалась на открытое выступление в защиту Патриарха (слишком сильны были голоса его врагов). Наконец, в 1664 г. возник загадочный, до сих пор не вполне понятный заговор как будто с целью решительного возвращения Патриарха Никона к правлению Церковью. Этому предшествовала длительная борьба вокруг серьезнейших проблем, вызванных его уходом. Прежде всего это была проблема личных отношений Никона и Алексея Михайловича. Она связывалась с более глубокой и основной проблемой — отношением царской и церковной власти в управлении Церковью. Кроме того, русская иерархия должна была решить вопрос о выборах нового Патриарха и о судьбе Никона. Наконец, большой проблемой явилась апелляция к Вселенскому Православию по поводу тяжкого

российского раздора.

Святитель Никон, хотя и не отказывался от поддержки своих сторонников среди знати и друзей, но в основном во всей этой борьбе он старался воздействовать непосредственно на друга-царя. Здесь ясно наметились два направления: обличение царя в его неправдах и попытки возбудить в нем христианскую любовь к нему, Никону, вернуть прежние отношения. Письма ушедшего Патриарха нередко представляли собой «чересполосицу» обоих этих направлений.

Сохранился один важный документ, где архипастырское и человеческое стремление Патриарха Никона выправить душу Алексея Михайловича проявилось с особенной яркостью. Это большое сочинение под условным названием «Наставление христианину» на 103 листах (206 страниц), датированное 1660 г.¹²² Оно представляет собой выписки из Священного Писания Нового Завета, собранные по тематическим главам и снабженные краткими пояснениями Никона. Патриарх пишет, что составлял эту «тетрадь» из «нужнейших заповедей Божиих, без нихже невозможно никакому христианину спастися», для того, чтобы царь познал «недостаточество свое перед Господом Богом» и сделался милостив к нему, Никону.

В этом труде Патриарх обращает основное внимание на обязанности каждого человека чтить Бога, соблюдать заповеди Его, творить волю Его, духовное предпочитать мирскому и быть верным Господу. Особенно много выписок посвящено теме важности евангельской проповеди (т. е. значению Церкви в обществе). Никон отстаивает свой долг и право обличать царя, как и всех, делающих неправду. «Подобает обличение и запрещение приимати, яко лечбу очистительную страстем», — поучает Патриарх. И добавляет, что если кто ради человекоугодия не обличает согрешающего, тот наветует в истинную жизнь (вечную). В последней главе Никон утверждает: *«Яко идеже Церковь под мирскую власть снидет, несть Церковь, но дом человеческий и вертеп разбойников»*. И приводит ссылки на Евангелие об изгнании торгующих из храма и на слова Спасителя *«Се оставляется вам дом ваш пуст»*.

Вопрос о мере участия царской и церковной власти в делах Церкви становился коренным вопросом общественной жизни России, взволновал всех, привлек к участию в его решении и Восточную, Церковь. В 1662 г. в Россию прибыл Паисий Лигарид,

митрополит Газский, приглашенный Никоном как ученый иерарх еще в 1656 г. Никон приветствовал приезд Паисия, надеясь, что он разрядит напряженную обстановку и приведет всё «к глубочайшему миру», чтобы «разрушилось средостение, возникшее между царем и Патриархом»¹²³. Но Никон ошибся в ученом греке. Паисий Лигарид быстро привел дело к еще большему обострению и к суду над Никоном. Однако пока позиция Лигарида еще не определилась, Патриарх старался объяснить ему историю и смысл происходящего. В таком же духе Никон воздействовал вообще на греческое духовенство, ибо только Вселенская Церковь, в пользу которой он так много сделал, оставалась теперь для русского Патриарха единственной опорой.

Была, правда, и еще одна сила, достаточно мощная, находившаяся, что называется, «под рукой» у Никона и даже предлагавшая ему свою помощь — народные массы, недовольные властями мира сего. В 1668 г. архимандрит Ферапонтова монастыря, где тогда в ссылке содержался Никон, доносил царю о сношениях восставших разинцев с Никоном и в доносе, в частности, указывал: «Никон говорил мне также: «И в *Воскресенском монастыре* (т. е. еще до суда и ссылки. — *Прот. Л.*) бывали у меня донские казаки и говорили: если захочешь, то мы тебя по-прежнему на Патриаршество посадим, сберем вольницу, боярских людей»»¹²⁴. Можно представить, какая смута ждала государство, если бы Патриарх согласился... Но этим путем святитель Никон — борец за каноническую правду во всем — пойти не мог.

Православный Восток с тревогой следил за тем, что происходило в России. Живущие в Москве греки разделились на две партии. Одни боролись за Никона, другие угождали царю. Обе партии вели интриги в Константинополе, Иерусалиме, Дамаске, в Египте и на Афоне. На Востоке ходили порой ужасающие толки о событиях, связанных с уходом Патриарха Никона. В письме царю в 1662 г. Паисий Лигарид сообщал: «Россия сделалась позорищем для всего мира, и все народы ожидают видеть развязку этой трагикомедии. К тому же, да обнаружится невинность и правда: ибо доселе еще носится ложный слух, будто Патриарх Никон бежал по причине угрожающей ему опасности тайного убийства и вследствие открывшегося тиранского заговора. Такая молва наносит великое бесчестие всему государству...»¹²⁵. Патриарх

Иерусалимский Нектарий в послании Алексею Михайловичу в начале 1664 г. выразил общую скорбь так: «В настоящем положении, когда наша Церковь находится под игом рабства и мы уподобляемся кораблям, потопляемым беспрестанными бурями, в одной вашей Русской Церкви видели мы как бы Ноев ковчег для спасения от потопа. А теперь, кто внушил вам отвращение от мира?...»¹²⁶

Объективный ход событий вынуждал и Алексея Михайловича, спасая свой престиж, обращаться к Вселенской Церкви. К этому особенно склонил царя Паисий Лигарид. Человек образованный (учился в Риме), хитрый, остроумный, изворотливый, он, прибыв в Россию за милостыней, тут же примкнул к придворной партии противников Никона. Отнюдь не беспорочный, находившийся, как потом обнаружилось, в запрещении, Газский митрополит давно сбежал из своей епархии и скитался по разным странам, участвуя в дворцовых интригах, оттачивая мастерство лжи и демагогии. Он явился сущей находкой для тех, кто был заинтересован в низложении русского Патриарха.

Газский митрополит прослыл ученейшим человеком. К нему решили обратиться как к авторитетному арбитру в споре царя с Патриархом. 15 августа 1662 г. боярин Симеон Стрешнев в письменном виде задал Лигариду 30 вопросов по делу Никона и получил 30 письменных ответов. Соединенные вместе вопросы и ответы составили книгу, которая стала распространяться противниками Патриарха. В ответ на это Никон написал огромный труд «Возражение или разорение смиренного Никона, Божией милостию Патриарха, против вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисеовы»¹²⁷.

Кроме вопросов, посвященных делам, связанным с уходом Никона от правления и борьбой против его личных врагов, в обоих трудах закономерно был затронут самый главный и существенный вопрос — о взаимоотношениях церковной и царской власти вообще, и в церковных делах — в особенности (вопросы 20, 24, 25). Следует заметить, что Стрешнев здесь явился выразителем идей и настроений боярско-княжеской верхушки, правящего сословия России. Он стремился не только угодить царю, но вполне искренне высказывал сложившиеся представления своего класса. В ответах Паисия Лигарида отчетливо видно также не только подобострастие

русскому самодержцу — милостынедателяю, но и выражение цезарепапистских взглядов определенной части, византийской иерархии времен упадка империи. И Никон в своих возражениях выступает не только от себя. Он также является выразителем достаточно древних представлений лучших греческих святителей, русского верующего народа и, пожалуй, большинства нашего духовенства. Таким образом, в этом русском споре получал какое-то очередное решение очень древний спор об образе сочетания власти мирской (царской) и власти духовной (церковной) в едином православном обществе и государстве.

Основные идеи противников Никона сводились к следующему.

1. «Самое главное радение царя — это радение о Церкви, потому что никогда не укрепятся дела царские, пока не укрепятся дела Матери его — Церкви» (П. Лигарид). Это утверждение настолько соответствовало взглядам самого Алексея Михайловича, что он почти в точности повторил его как свою собственную мысль в письме к Антиохийскому Патриарху, о чем уже говорилось выше.

2. Православный царь «*поручает*» Патриарху «*досматривать* всякие судьбы церковные» и «*дарует*» ему различные привилегии, какие даровал Константин Великий папе Сильвестру (С. Стрешнев). Но эти привилегии Патриарх должен принимать «с осторожностью», чтобы они не «надмили» его. Царь может отобрать данные Патриарху «привилегии», если тот «окажется неблагодарным» (П. Лигарид).

3. Царь имеет право через поставленных на то чиновников судить по мирским делам все духовенство (С. Стрешнев).

4. Царь «*может ставить (?) архимандритов и всякие церковные власти* — это одна из царских привилегий, и у всех народов обычай — царю раздавать должности, для чего и орел царский пишется двуглавым, расширяющим достоинство царя — духовное и мирское» (П. Лигарид).

Патриарх Никон, опровергая эти положения, высказывал следующее понимание дела.

1. Радение о Церкви и управление ее делами не принадлежит царю. В числе чинов Церкви, которые дал ей Бог (1 Кор. 12, 28—30) нет царя. «...Царю дано устроить только то, что на земле, большей власти он не имеет. А престол священства на небеси: что связывает священник на земле, то связывается на небеси. Он стоит

между Богом и людьми и от Бога низводит нам милости, а от нас возводит к Богу молитвы и примиряет нас с Богом. Поэтому и цари помазуются священнической рукою, а не священники — царскою, и благословляют самую главу царскую; ...меньший от большего благословляется. Глава Церкви — Христос, а царь не есть и не может быть Главою Церкви, но только одним из ее членов, потому и не может действовать в Церкви» *«Священство преболе царства есть»*, т. е. сан священства в Церкви выше сана царского¹²⁸.

2. Царь не может «поручать» Патриарху управлять Церковью, ибо «не от царей приемлется начало священства, но от священства на царство помазуются», и в этом отношении *«священство гораздо больше царства»*. Определенные привилегии Церкви в государстве установлены со времен Константина многими благочестивыми царями греческими, а у нас на Руси подтверждены и дополнены церковным законодательством святого Владимира, грамотами великих князей и царей. Царь, не совершая смертного греха, не может отбирать или упразднить эти привилегии.

3. Царь не имеет права через своих чиновников судить священное сословие. Такого правила нет в святых канонах. Царь не может также поставлять епископов и других священных лиц.

4. По мнению Никона, есть две крайности во взглядах на царский и архиерейский сан. Иные думают, что царь выше и важнее, поскольку царская власть исходит от Господа Бога, и не царь платит подати архиерею, но архиерей — царю, царь ограждает и защищает мечом своим все государство, творит суд и расправу, чего архиереям не дозволено. Другие, напротив, полагают, что архиерей выше царя, так как власти архиерейской поручил Бог ключи Царства Небесного и дал силу вязать и решить на земле, т. е. обладать духовной властью, тогда как царь обладает только властью мирской и «вещами временными». Обе крайности, однако, должны найти примирение, по словам Никона, в следующем решении. «Солнце светит днем, как архиерей душам. А меньшее светило — месяц, заимствующий свет от солнца, светит ночью, т. е. для тела: так и царь приемлет помазание и венчание (на царство) от архиерея, по принятии которых становится уже совершенным светилом». Такова разность между теми двумя лицами во всем христианстве. «Архиерейская власть во дни, т. е. над душами, а царская — в вещах мира сего». Царский меч должен быть готов на врагов веры православной. Оборонять и защищать духовенство от

всякой неправды и насилия обязаны мирские власти. «Мирские нуждаются в духовных для душевного спасения, духовные в мирских — для обороны». В этом отношении *«царь и архиерей не выше один другого, но каждый имеет власть от Бога. В вещах же духовных архиерей великий выше царя, и каждый человек православный должен быть в послушании Патриарху, как отцу в вере православной, ибо ему вверена Православная Церковь»* (выделено мной. — *Прот. Л.*). Вот в этой, чисто духовной, области «священство преболе царства есть».

Во взглядах Патриарха Никона перед нами, таким образом, ясная православная позиция, совершенно чуждая каких-либо теократических притязаний и плотских мудрований, основанная на здоровом христианском представлении об устройстве мира и человеческого существа, где духовное и мирское находятся в неразрывном единстве и гармонии при главенстве духовного начала, которое, однако, не означает лишения мирского должной самостоятельности и значимости в Боге — Творце всего. Проф. М. В. Зызыкин метко обозначил такую позицию как «святоотеческо-русскую»¹²⁹.

Говоря о превосходстве священного сана над саном царским, Никон отнюдь не толкует это в том смысле, что царь в своих государственных делах должен подчиняться архиерею, что государственная власть есть как бы орудие в руках церковной власти. Никон категорически настаивает только на том, что *в Церкви, в делах церковных* «священство преболе царства». В царстве же земном, «вещах временных» царь имеет от Бога всю полноту власти действовать на благо страны и веры, как подобает государю, со всей ответственной самостоятельностью. Переворачивать такой богоустановленный порядок вещей и возносить царскую власть над властью церковной в делах церковных — значит подрывать и опрокидывать коренные устои естественной и правильной жизни общества, обрекать на погибель саму же царскую власть (Никон приводит много примеров ветхозаветной и новозаветной истории, где показаны разные судьбы царей, верно и неверно относившихся к Церкви).

Патриарх Никон в своем «Возражении», как и во всей своей борьбе, выступает и как пламенный исповедник должной самостоятельности Церкви, и как патриот — защитник правильно понятых интересов государства.

Особое внимание было уделено Никоном в этом труде «Соборному Уложению» 1649 г. в части церковных дел. Святитель напомнил о том, что царь приказал главному составителю «Уложения» князю Одоевскому и его помощникам — князьям Прозоровскому и Волконскому и дьякам Леонтьеву и Грибоедову написать «статьи из правил святых апостолов и святых отцов, из градских законов греческих царей и из разных узаконений прежних русских царей и великих князей» и на этом основании составить новый свод законов России — «Уложение». Но составители не исполнили приказа. «Князь Никита Иванович Одоевский — человек прегордый, — писал Никон, — страха Божия в сердце не имеет, правил апостольских и отеческих никогда не читал и не понимает, и враг всякой истины; а товарищи его люди простые, Божественного Писания несведущие, дьяки же—это заведомые враги Божий и дневные разбойники, без всякой пощады губящие людей Божиих». «Князь Одоевский с товарищами всё солгал, ничего не выписал из правил святых апостолов и святых отцов и из законов греческих царей, но написал всё новое, чуждое Православия»¹³⁰.

Такое состояние дел в православной России наводит Никона на тревожные мысли: «Не пришло ли ныне отступление от Святого Евангелия и от предания святых апостолов и святых отцов? Не явился ли человек греха, сын погибели?.. Какой же больше погибели, когда, оставив закон и заповеди Божий, предпочли предания человеческие, т. е. Уложенную книгу, полную горести и лести? Антихрист приготовит и иных многих, как тебя, писатель лжи, и тебе подобных (это в адрес Одоевского.— *Прот. Л.*). Он сядет во храме Божиим не в одном Иерусалиме, но повсюду в Церквах, т. е. примет власть над всеми Церквами и церковными пастырями, на которых ты, отступник, по действию сатаны написал суд творить простым людям...»

В своем «Возражении» Патриарх Никон доходит до самых гневных обличений Алексея Михайловича. «Царь... не исполнил ни в чем своих обетов перед Богом, — пишет он, — почему недостоин входить в церковь и должен всю жизнь свою каяться, а сподобиться Святого Причастия может только перед своею смертью. Он клятвоотступник и трижды нарушил свои обеты, данные при Крещении его, при помазании на царство и при избрании (Никона) на патриарший престол¹³¹. Таким образом,

святитель Никон публично заявил о том, что государственное законодательство о Церкви в России середины XVII в. является уже не христианским, русский царь преступен и подлежит церковному наказанию и что в России началась апостасия — отступление власти от Бога и Евангелия. С таким выводом Патриарха Никона вполне согласны и английский исследователь этой темы Пальмер, и проф. М. В. Зызыкин¹³². Угрожающие признаки такого отступления особенно проявились в неудачной попытке Алексея Михайловича самостоятельно решить вопрос о новом Патриархе и о судьбе Никона. В 1660 г. по царской инициативе был созван Поместный Собор Русской Церкви для выборов нового Патриарха. Никона не пригласили, а лишь поставили в известность об этом и попросили «благословения» на выборы нового Главы Церкви. Патриарх ответил, что, хотя он добровольно оставил правление и давно изъявил согласие на избрание другого Патриарха, но это избрание должно состояться с его, Никона, участием. Он возглавит хиротонию, простится со всеми, освободит архиереев от клятвы присяги не желать иного Патриарха, кроме него. «А на то, чтобы избрать нового Патриарха без меня, я не благословляю», — заявил святитель Никон. Тогда по указанию царя Собор занялся вопросом о судьбе самого Никона. При этом Патриарха и на сей раз не только не пригласили, но даже и не предложили представить объяснения, почему он оставил правление; ограничились только сбором «сказок» о том, что он ушел от дел «самовольно», о чем и заявил сам 10 июля 1658 г. Благодаря усилиям объективно настроенных архиереев и духовенства во главе с иеромонахом Епифанием Славинецким, очень убедительно выступавшим против низложения Никона, Собор не вынес никакого осуждения Патриарху. Ничего другого, кроме общих канонических рекомендаций о выборах нового Патриарха на место ушедшего, Собор выработать не мог¹³³. Без участия живого, не осужденного Главы Церкви, каковым продолжал оставаться Никон, Собор вообще не имел законной силы.

Между тем события развивались в сторону всё большего обострения внутренней обстановки в стране. Уход Никона от правления, естественно, оживил его давних противников в деле обрядовых и книжных исправлений. Царь вместо того, чтобы проявить последовательность и твердость в отношении к этим людям, решил заигрывать с ними, надеясь, может быть, что,

примилив их с собою, как с противником Никона, он сделает их и единомышленниками. В свою очередь, и сторонники старых обрядов старались заручиться расположением Алексея Михайловича, утверждая безусловный приоритет царской власти во всех церковных делах¹³⁴. Большая свобода действий была предоставлена Григорию (Неронову). В Сибирь в 1660 г. была послана грамота с разрешением Аввакуму вернуться в Москву. В 1663 г. он прибыл в столицу. Деятельность сторонников старых обрядов настолько оживилась, что к ним стали примыкать значительные народные массы. 21 декабря 1662 г. Алексей Михайлович в указе об обращении по делу Никона к четырем Вселенским Патриархам вынужден был признать, что «ныне в народе многое размышление и соблазн, а в иных местах и расколы». При этом царь прямо связывал это явление с тем, что Никон ушел от правления Церковью, «нерадит о ея вдовстве» и не исправляет «несогласия церковного пения и службы литургии и иных церковных вин» (дел)¹³⁵. Это было первым официальным свидетельством о начинающемся расколе в Русской Церкви. *Церковный раскол, таким образом, явился прямым результатом раскола царской и церковной власти* и начался вслед за ним, хотя некоторые идейные основы его сложились ранее у противников обрядовых исправлений святителя Никона. К 1666 г. Алексею Михайловичу снова пришлось отправить в заточение основных деятелей старообрядчества. Но было уже поздно. Рождественским постом 1662 г. Лигарид посоветовал царю: «Отправь грамоты к четырем Восточным Патриархам и объяви им всё дело о Никоне, и тотчас же достигнешь своего желания»¹³⁶. Царь обещал подумать. Положение его было трудным. С одной стороны, он получал от Никона всё более резкие и страшные обвинения, с другой — он не решался всё же доводить дело до вселенского суда по делу Русского Патриарха. Но соблазн предложения Газского митрополита состоял в том, что обращение к Вселенским Патриархам избавляло Алексея Михайловича от личной ответственности за отстранение Никона. А они, несомненно, как на то и намекал Паисий Лигарид, вынесут решение, угодное русскому царю, помощью которого все они так дорожат.

Соблазн подействовал. 21 декабря 1662 г. царь принял решение обратиться к четырем Вселенским Патриархам с приглашением прибыть в Москву для разбирательства дела

Патриарха Никона и других церковных вопросов на Собор, который должен состояться в мае—июне 1663 г.

Вселенские Патриархи получили грамоты Алексея Михайловича. Приехать в Москву, да еще в столь короткий срок, они не могли по причине зависимости от турок. Согласившись друг с другом, они решили написать свое определение («томос») относительно дела Никона. Поскольку устные сообщения царского посла, во многом извратившего суть дела, были признаны недостаточным основанием для суда над Патриархом Никоном, Вселенские Святители написали свои канонические определения безымянно, не упоминая лично Никона, высказав свои суждения о том, как *вообще* следует поступать, если некий «епископ или Патриарх» сделают то или иное. Четыре свитка «томоса» были доставлены в Москву только в мае 1664 г.

Безымянный характер «томоса» вызвал в Москве разочарование. Собор, намеченный на середину 1663 г., не состоялся, и Алексей Михайлович пришел к мысли о необходимости непрямого личного прибытия Вселенских Патриархов в Москву. В сентябре 1664 г. на Восток отправилось новое посольство с новыми настоятельными приглашениями.

Тем не менее «томос» Вселенских Патриархов интересен и важен как документ, показывающий их отношение к «делу» Никона с самого начала. В первом же разделе документа утверждалось, что «царь есть верховный владыка в своем царстве и имеет право наказывать всех сопротивляющихся ему своих подданных, хотя бы кто из них занимал самое высшее место в Церкви; в монархии должно быть одно начало — царь, а не два, и Патриарх в вещах мирских должен покоряться царю наравне с прочими подданными... а в вещах церковных не должен изменять древних уставов и обычаев; если же дерзнет сопротивляться царю или изменять древние уставы, то да будет лишен своего достоинства»¹³⁷. Год спустя Константинопольский Патриарх Дионисий, подтверждая главы «томоса» в личном письме Алексею Михайловичу, высказался по этому же вопросу так: «Извещаю твоей пресветлости, что, по тем главам ты имеешь власть обладать и Патриархом, у вас поставленным, как и всеми синклитиками, ибо *в одном самодержавном государстве не должно быть двух начал, но один да будет старейшина*»¹³⁸ (выделено мной.— Прот. Л.). Удивительно только, как греки высочайшим авторитетом

утверждали и поддерживали в Русском царстве то, из-за чего они сами потеряли свою монархию! Паисий Лигарид не подвел Алексея Михайловича: Вселенские Патриархи решали дело заведомо в пользу русского царя.

Только Иерусалимский Патриарх Нектарий проявил больше подлинной чуткости к России и Русской Церкви. В марте 1664 г. он написал от себя лично особое письмо Алексею Михайловичу, которое было получено в ноябре того же года. Он писал: «Нам кажется, что вы можете покончить дело мирным образом. Пригласите однажды и дважды кир Никона, чтобы он возвратился на свой престол и покажите ему для точного соблюдения статьи нашего соборного свитка... Просим Ваше величество не приклонять слуха к советам людей завистливых, особенно если таковые будут духовного сана». Далее Нектарий писал то, что уже цитировалось выше, — о Русской Церкви, как Ноевом ковчеге для Вселенского Православия. «Помыслив о сем, миролюбивейший государь, последуй кротости Давида, восприми ревность по вере православной и постарайся со тщанием вновь возвести законного Патриарха вашего на престол его», — призывал Иерусалимский Патриарх и заканчивал свои увещания так: «Необходимо одно из двух: или возвратить Никона, или на его место возвести другого; только гораздо лучше возвратить Никона».

Алексей Михайлович ответил Нектарию, что послание его «зело поздно после», а затем упрекал Вселенского Патриарха в том, что он заступает за Никона¹³⁹.

В декабре 1664 г. начали происходить странные события. 3 декабря, будучи в Звенигороде, Алексей Михайлович с особым вниманием принял архимандрита Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, говорил ему, что но имеет гнева на Никона, и пожаловал Никону невиданно богатую милостыню... 7 декабря царь говорил то же самое А. Ордину-Нащокину и А. Матвееву, прибавив, что он не верит клеветам на Никона, т. е. ясно давал понять, что возымел особое расположение к Патриарху. С другой стороны, Н. Зюзин стал писать Никону, что царь желает возвращения его к правлению Церковью, так как «досконально узнал», что ссора его с Никоном вдохновляется враждебными иностранными державами, но, боясь своего правительства, не может сам просить Никона вернуться. Поэтому царь будто бы через Нащокина и Матвеева велел сказать Зюзину, чтобы он тайно

связался с Никоном и передал ему «царским именем» предложение самому внезапно приехать в Москву и занять свое патриаршее место (вернуться на престол). При этом Зюзин сообщал такие подробности царского разговора с указанными боярами, которые невозможно было выдумать и которые так были характерны для Алексея Михайловича и его приемов дворцовой игры. Истинность дела была засвидетельствована посланцу Никона духовником Зюзина. В последнем письме боярин сообщал подробнейшие «царские» инструкции, как въезжать в Москву ночью под 18 декабря, что отвечать боярам, которых царь «для прилику», «отводя (от себя) подозрение», пришлет к вернувшемуся Никону¹⁴⁰. В самой Москве меж тем сторонники Патриарха начали готовиться к его торжественной встрече. Кем-то из одаренных людей была написана «Похвала Никону» — возвышенное высокохудожественное слово на возвращение Патриарха Никона, которое описывалось в точном соответствии с тайными инструкциями Зюзина¹⁴¹. «Похвала» уже получила некоторое распространение в обществе, так что довольно широкий круг лиц находился в полной уверенности, что дело непременно кончится благополучно. Н. Зюзин был солидным государственным мужем, служил на дипломатическом поприще, воеводой городов Путивля и Новгорода. Не поверить ему Никон не мог. Всё дело явно выглядело как продуманная затея Алексея Михайловича, возжелавшего примириться с «собинным другом», вернув его к правлению Церковью. И Никон внезапно вернулся. 18 декабря во время второй кафизмы на утрени он вошел в Успенский собор Кремля и стал на патриаршем месте.

Во дворце поднялся настоящий переполох, собрался синклит, архиереи. Послали к Никону. Он ответил, как и было предусмотрено. Враги Никона, особенно Паисий Лигарид, подняли возмущенные крики. Алексей Михайлович выслушал всех и... велел передать Патриарху «царский указ» немедленно вернуться обратно в свой монастырь¹⁴².

Можно представить состояние Патриарха, оказавшегося в таком положении! Он сделался жертвой какого-то гнусного обмана или игрушкой в неумелой интриге.

Никон вышел из храма на соборную площадь Кремля. Над ним сияло звездами еще совсем ночное небо. На небе красовалась огромная хвостатая комета — знамение бед и несчастий. Садясь в

сани, Никон стал отрясать прах от своих ног, читая Евангельские слова: «идеже аще не приемлют вас, исходя из града того, и прах, прилипший к ногам вашим, отрясите во свидетельство на ня». Стрелецкий полковник на лошади весело заметил: «Мы этот прах подметем!» «Разметет и вас Господь Бог оною Божественною метлою», — проговорил Никон, указывая на комету¹⁴³. Морозный снег взвизгнул под санями, и тронулись в путь.

На следствии по этому делу Нащокин и Матвеев, конечно, отрицали, что говорили с Зюзиным от царского имени и предлагали Патриарху вернуться. Зюзин взял всю вину на себя, сказав, что «своровал» (совершил это политическое преступление), желая восстановить мир в Церкви и обществе. За это правительственный суд приговорил его, разумеется, к смертной казни. Но вдруг по просьбе детей царя казнь заменили ссылкой в Казань на дворянскую службу. Патриарх мог укорять себя за доверчивость, но он был чист в совести своей, ибо сам не стремился к возвращению на Патриаршество. Интрига лишь всколыхнула всегда таившееся в нем чувство любви к Алексею Михайловичу, заставив вновь глубоко поверить в его дружбу, в возможность возрождения прежних отношений. Но если всё оказалось обманчивым, и друг не нашел в себе силы в решающий момент настоять на принятии искренне вернувшегося Никона или обманывал его умышленно, то это, по крайней мере, избавляло Патриарха от лишних иллюзий. Теперь Никон знал в точности, что Главою Церкви его уже не хотят видеть ни за что. Раньше он не отвергал совсем возможности вновь вернуться к управлению, если изменятся духовные воззрения царя. Теперь в этом вопросе возникла определенность. Она была немаловажной в стратегии его дальнейшей борьбы, позволяла сделать некоторые уступки, чтобы привести всё к скорейшему и мирному исходу.

В тот же день, 18 декабря 1664 г., на обратном пути из Москвы Никон спокойно сказал царским послам, что нет нужды звать Вселенских Патриархов, ибо он, как раньше обещался, так и ныне обещается не возвращаться на патриарший престол, предлагает избрать нового Патриарха и просит лишь принять некоторые условия его окончательного отречения. Из них важнейшим было — сохранить в его полном распоряжении три монастыря его строения со всеми приписными обителями и вотчинами. Никон предлагал кончить дело по-домашнему и в

принципе соглашался на то, чтобы вопрос о его судьбе и избрании нового Патриарха был решен одними русскими архиереями.

Предложение заинтересовало и было живо принято при дворе. Хотя за Вселенскими Патриархами уже было послано, но если представлялась возможность скоро и сравнительно просто решить дело своими силами, то этим можно было воспользоваться.

13 января 1665 г. Никону предложили письменно изложить условия своего окончательного ухода от правления, что он и сделал в тот же день.

Примерно в сентябре 1665 г. был созван Собор русских архиереев и духовенства. На нем присутствовали все архипастыри, кроме Сибирского и Астраханского, приславших грамоты с заведомым согласием на все решения Собора¹⁴⁴.

Условия Никона были подробно рассмотрены. В соборном решении осуждались резкие поступки Никона, проклятия, наложенные им на некоторых бояр и архиереев из числа врагов, и определялось, что Никон впредь не будет именоваться «Московским и всея Руси», но только «Патриархом» и во всем повиноваться новому правящему Патриарху, называя его не «сослужебником», а «архипастырем» и «начальником», как и все прочие архиереи. Во всех делах он должен поступать, как и другие епископы, по разрешению государя и благословению правящего Патриарха. За ним оставались для содержания три монастыря его строения, но без приписных обителей. Эти монастыри должны были находиться в духовном ведении тех епископов, в чьих епархиях они находятся, а не во власти Никона. По делам этих монастырей он должен сноситься с епархиальными архиереями и только с их согласия что-либо делать в этих монастырях. Он не должен также никого рукополагать без разрешения епархиальных епископов¹⁴⁵.

С канонической точки зрения соборные решения были в общем правильны. Но они разрушали все планы и замыслы Никона, стремившегося отвоевать в свое полное и независимое управление хотя бы небольшой «остров» в Русской Церкви — группу своих монастырей. Однако очень важно отметить, что свои, русские, архиереи, осудив резкие поступки Никона, не сочли нужным подвергать его самого ни суду, ни извержению из сана.

Этому соборному определению Алексей Михайлович не дал хода. Оно не было доведено до сведения Никона. Между тем вокруг Никона продолжали возникать различные «дела», от

которых «лихорадило» общество. 12 ноября 1665 г. царю доложили, что два Вселенских Патриарха — Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий уже едут в Москву. Константинопольский Дионисий и Иерусалимский Нектарий отказались приехать, сославшись на запрет турецких властей.

Не имея в течение целого года ответа на свои предложения, святитель Никон понял, что его участь хотят решить в совете с Вселенскими, Патриархами. Тогда и он решил обратиться к ним лично. В декабре 1665 г. Никон отправил тайно своего двоюродного племянника с грамотой к Патриарху Дионисию (он писал и другим, но сохранилась и была использована в его деле только эта грамота). В январе 1666 г. на Украине посланник Никона был схвачен и доставлен в Москву.

Суд над святителем Никоном с участием Вселенских Патриархов стал неизбежностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹⁰ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 312—313.

¹¹¹ Там же, с. 320.

¹¹² Там же, с. 318.

¹¹³ Там же, с. 395.

¹¹⁴ Там же, с. 405.

¹¹⁵ Там же, с. 414—415.

¹¹⁶ Там же, с. 383.

¹¹⁷ *М. В. Зызыкин*, ч. II, с. 69—70 и 81.

¹¹⁸ Там же, с. 349.

¹¹⁹ Митроп. *Макарий*. История, т. XII, с. 331.

¹²⁰ Там же, с. 322—323.

¹²¹ Там же, с. 334.

¹²² ЦГАДА, ф. 27, д. 140, ч. I, лл. 298—401.

¹²³ Митроп. *Макарий*. История, т. XII, с. 380.

¹²⁴ *Соловьев*, кн. VI, с. 274.

¹²⁵ Митроп. *Макарий*. История, т. XII, с. 381.

¹²⁶ Там же, с. 478.

¹²⁷ ЦГАДА, ф. 27, д. 140, ч. III.

¹²⁸ Некоторые основные положения Патриарха Никона являются почти буквальными цитатами из высказываний Иоанна Златоуста, подборка которых содержится у М. В. Зызыкина. Например, «Престол священства на небесах» — см. *Зызыкин*, ч. I, с. 56; «Священство больше царства» — там же, с. 57 и 68. При этом Иоанн Златоуст относит превосходство «священства» над «царством» к делам спасения, к области церковной жизни и ее законов.

¹²⁹ *Зызыкин*, ч. I, с. 208.

¹³⁰ Митроп. *Макарий*. История, т. XII, с. 422—423.

¹³¹ Там же, с. 429.

¹³² *Зызыкин*, ч. I, с. 326—327; ч. II, с. 321.

¹³³ *Субботин*, с. 182—185; *Макарий*, т. XII, с. 350—366.

¹³⁴ *Зызыкин*, ч. I, с. 204—206.

¹³⁵ *Каптерев*, с. 513.

¹³⁶ Митроп. *Макарий*. История, т. XII, с. 433.

¹³⁷ Там же, с. 472—477.

¹³⁸ Там же, с. 517.

¹³⁹ Там же, с. 479.

¹⁴⁰ *Соловьев*, кн. VI, с. 246—247.

¹⁴¹ ПРС, сс. 1—3 и 266—270.

¹⁴² *Субботин*, с. 105—106.

¹⁴³ *Соловьев*, кн. VI, с. 247; «Известие...», с. 47.

¹⁴⁴ Митроп. *Макарий*. История, т. XII, с. 506.

¹⁴⁵ Там же, с. 506—512.